

Светлана Чернышова

Вернешься на горькую землю свою...

... Так речь врезает в строфы
и мысли мертвецов,
и голоса голгофы.

Юрий Казарин

Чем умершим заняться в городах...
Ходить с одышкой до дверей аптеки,
искать работу, спать в очередях,
смотреть с мольбами на людей из ЖЭКа.

Все вывески, рекламы наизусть
запомнить... вечерами на балконе
послушать, как виниловую грусть
царапает иголка патефона.

На кладбище подправить ветхий крест,
попынь убрать... вздохнуть — мол, скоро осень,
увидеть, как из мраморных небес
торчат ветвей заржавленные гвозди.

Блуждать под светом фонарей слепых
и редко пусть — но вспоминать живых.

ты бы уснула матушка что нам век по нему горевать
смотришь в окно детки не кормлены стынет печь
молодо зелено озимь смотрите озимь цинковая опять
будто безумная повторяешь страшно в холодную койку лечь
ты бы нас в подполе матушка спрятала живеньких сберегла
чтобы не слышать как он из нависших над домом небес
хрипло кричит день и ночь кандагар кандагар кандагар
братик во сне шепчет в ответ гудермес гудермес

Светлана Чернышова — родилась и живет в Приморском крае. Медик, психолог. Работает врачом «Скорой помощи» в г. Большой Камень. Публиковалась в журнале «Новая реальность». В «Урале» печатается впервые.

однажды скворцом, позабывшим, где юг,
буравя осенний рассвет,
вернись на горькую землю свою,
вернись... а родины нет.

есть космы полыни по насыпям. в них
туман — и белес, и незряч,
есть жилой засохшей под камнем родник,
есть ветра безудержный плач,

есть дом опустелый. в нем память не спит,
пьет боль с твоего лица,
есть небо... его подпирает гранит
на скорбной могиле отца.

нет родины... но над церквушкой горит
дождем зацелованный крест..
и ты повторяешь — чтоб выжить и жить,
есть родина.
родина есть.

ветер в сердце мое вобьет
вечер — холодный осиновый

всхлипнет бесслѣзно колодец пустой
эхо носится

жизнь мою маленькую плеснѣт
в омут зрачка лосиного

скрипнет журавль нога одна —
тоненько ломко

в дом заколоченный на постой
тополь просится

а у колодца — ведро без дна
горло скомкано

дядя Йозеф играл на скрипке...
будто кто-то тоненько, надрывно плакал.
я видела маленькую девочку,
заблудившуюся в лесу.
девочку звали Маша,
из её корзинки сыпались ягоды —
красные, желтые...
Маша плакала, плакала,
ягоды сыпались, сыпались...
я пыталась взять ее за руку,
вывести из леса...
но скрипка замолкала,
я теряла Машу
в темно-зеленых шуршащих обоях,
которыми были оклеены стены
нашей комнаты,
через которые было слышно, как
дядя Йозеф играл на скрипке...

когда дядя Йозеф умер,
мама сказала:
— царствие тебе небесное...
бабушка сказала:
— графство тебе небесное польское!

дядю Йозефа похоронили со скрипкой
(рядом с женой и дочкой).
я представляла, как в небесном польском графстве
он играет на скрипке
около замка
на поляне, усыпанной ягодами —
желтыми, красными,
а вокруг много света
и совсем не бывает ночи...

Маша теперь не заблудится.

когда молчаливей стану вымерзшего ручья
льда холодней и глуше на молчаливом ручье
тоньше и бестелесней утреннего луча
зыбче радужки света на падающем луче
инея пагод китайских невесомее и белей
хрупче и безнадежней свечи догорающего огня
не из ребра адамова повтори меня на земле
из адамова яблока Господь сотвори меня

слышишь это я с тобой говорю
будто шлю сыночка к тебе и дочь
катятся словечки по декабрю
саночки царапают лед и ночь
видишь как одежка детей парит
на ресницах белый гудящий рой
ты не дай замерзнуть им — говори
пусть ладони греют о голос твой
утром встану — тишь... пустота звенит
за грудиной темная полынья
и пустое чрево мое молчит
и в прихожей саночки...
для меня

снежный десант швыряет в ночи ветер
вниз посмотри — на ветвяных стропях
телом [израненным черным] повис тополь
город погиб. Он — сожженное вьюгой гетто

тени бредут по руинам вой хриплый чужой говор
падают люди замертво ужас в глазах — слышишь?
это в тебе кричит похороненный заживо идиш
это в тебе говорит родня расстрелянная во Львове

это в тебе живет а может быть ты всё живешь этим —
страхом своим одиночеством холодом ранней смертью...

просто закрой глаза и повторяй — это всего лишь ветер
это всего лишь ночь за окном... и... ветер...

Заброшенная мельница

это не я стою дом деревянный стоит на краю реки
скрип половиц под поступью тростника
вот и в моих руках деревянная боль крепка
помнишь как были крылатые руки мои легки

десять лет мельник оплакивает жену
сыпятся слезы теплой ржаной мукой
слышится из-под небес голос его глухой
из-под реки тоненький плач отвечает ему

это неправда что ветер ветер и всё
слышишь падает в реку ветренная мука
с влажным запахом ила и тростника
тесто месит река напололам с песком

помню пахла ветренная мука
спелым гречишным медом ее волос
десять лет мельник не спит и глядит на плес
десять лет проплывают под ним облака

если память мою из горя вылущить из тоски
сыпать молочными зернами на жернова
будут слышны влюбленным мои слова
будет земля им пухом моей муки

Паучья жизнь — плетенье паутин
у дна давно иссохшего колодца,
куда, сквозь пальцы старческих калин,
течет густое, масляное солнце.

Паучья жизнь — плести, плести, плести,
под гулкие колодезные тайны,
под шепот опадающей листвы,
песнь комара, мушиное жужжанье.

Паучья жизнь — насытившись, уснуть
во мшистой тьме колодезного горла
и видеть сон, как паутиный путь
висит над черной пропастью бездонной,

и там, на дне, который год подряд
две куклы с помутневшими глазами
«воды, воды» — без умолку хрипят
холодными пластмассовыми ртами

Идентификация

страх перед анатомкой
на втором курсе медицинской бursy
мне помог преодолеть
(как ни странно) Булгаков
подходя к зданию
из красного кирпича
я читала на табличке:
«гром»
это всего лишь гром
гром среди ясного неба
повторяла я
гром
гром
гром
глупо бояться того что
высоко над тобой
необъяснимо
невидимо
неизбежно
но
мимолетно
а после
будет
свет
и(ли)
покой

...и если не прибавить не отнять
той жизни... на какой-нибудь из станций
от ломкого осинового дня
сухим листом бескровно оторваться

лежать на паутине тишины
в дрожащих каплях дождевого сока
смотреть на лица молчаливых сопок
что скорбью и величием полны

на слепленный из глины и огня
мир что щебечет на ладонях смерти
и вдруг понять — как долго нет меня
как долго нет... на том и этом свете